

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ «НОВОЙ» ЕВРОПЫ

Борис Волхонский

«Разделение Европы на «старую» и «новую» напоминает раскол на «синие» и «красные» штаты в американской electoralной политике, — написал на страницах «Weekly Standard» незадолго до выборов в США неоконсервативный комментатор Сет Кропси. — В старой — Западной — Европе эксперты и чиновники, занимающиеся оборонной и внешней политикой, воспринимают Барака Обаму как луч надежды для Америки, считая, что благодаря ему она сможет принять европейский подход к достижению мира во всем мире. В новой — Центральной и Восточной — Европе специалисты в этих же сферах смотрят на возможное избрание Обамы с глубокой обеспокоенностью. Вопросы у них вызывает то, сможет ли он целенаправленно работать с Россией, понимает ли важность Запада как эффективного альянса и способен ли быть эффективным лидером, когда от Европы так трудно чего-то добиться, а на Соединенные Штаты возлагаются такие надежды».

Доля истины в этих рассуждениях есть. Однако подобно тому, как результаты президентских выборов в США показали «посиление» бывших «красных» (республиканских) штатов, заставив перекрасить политическую карту Америки, точно так же деление Европы на «старую» (скептически настроенную по отношению к политике США) и «новую» (проамериканскую) уже не отражает новые реалии.

«Новая» и «старая» Европа

Деление Европы на «старую» и «новую» было введено в обиход в начале 2003 года тогдашним министром обороны США Дональдом Рамсфельдом. Вашингтон вовсю готовился к военной опе-

рации в Ираке, а ведущие европейские державы не были готовы поддержать эти намерения. Именно тогда Рамсфельд сказал: «Вы думаете, что Европа — это Германия и Франция. Я так не думаю. Я думаю, это старая Европа. Взгляните на огромное число других стран в Европе. Они в этом вопросе не с Францией и Германией. Они с Соединенными Штатами».

Противопоставив страны Восточной и Центральной Европы отцам-основателям Евросоюза Франции и Германии, США в краткосрочной перспективе обрели поддержку своим действиям в Ираке со стороны десятка европейских государств. А в долгосрочной — получали мощное

временного Запада носят принципиально антитрадиционалистический, нехристианский и даже внекультурный характер».

«Новая» и «старая» Америка

Как выглядит деление на «старую» и «новую» Европу в свете победы Барака Обамы, которую предрекал Сет Кропси?

Вполне вероятно, что большинство опасений Восточной Европы в отношении будущей внешней политики администрации США, о которых говорит Кропси, сбудется. И даже если не произойдет обещанного вывода войск из Ирака в течение полутора лет по-

Позиция Барака Обамы в отношении традиционных ценностей гораздо ближе к подчеркнуто светской политике Франции, чем к проникнутой духом католицизма политике Польши

проамериканское лобби в Евросоюзе, вечно противящемся расширению американского влияния на континенте.

Разделение по признаку «проамериканизма—антиамериканизма» не единственный параметр противопоставления «старой» и «новой» Европы.

Второй критерий — позиция по отношению к России: за «новой» Европой закрепилась репутация наиболее антироссийски настроенного сегмента внутри Евросоюза.

И третий критерий, на который указывает российский историк, специалист по странам Восточной Европы Олег Неменский, заключается в том, что бывшие соцстраны, возвращаясь в Европу, стремились «вернуться к христианским ценностям и культурному общению. Однако...на деле оказалось, что основные ценности со-

сле инаугурации Обамы, необходимость в мощной европейской поддержке коалиции, воюющей в Ираке, очевидно, отпадет.

Кроме того, сам Обама многократно говорил о своем стремлении налаживать отношения с Европой (читай: с ее ядром, представленным странами «старой» Европы). Поэтому вполне вероятно, что отпадает необходимость и в наличии проамериканского лобби в лице «новой» Европы, критически настроенной по отношению к «столпам» Евросоюза.

Наконец, есть еще один аспект будущей американской политики на европейском континенте, связанный с теми несбывшимися ожиданиями восточноевропейских стран, о которых пишет Неменский.

Дональд Рамсфельд был министром в республиканской адми-

нистрации, в гораздо большей степени, чем демократы, склонной придавать значение традиционным семейным и христианским ценностям. Глава государства Джордж Буш пришел к власти в 2000 году под лозунгами «сострадательного консерватизма». Таким образом, в идеологическом и цивилизационном плане Америка начала 2000-х годов являла собой гораздо меньший контраст с теми ценностями, о которых пишет Неменский, чем «старая» Европа (напомним, что именно по настоянию Франции из проекта общеевропейской конституции было изъято упоминание об общих христианских ценностях Европы).

Обама — левый либерал даже в глазах значительной части либерального истеблишмента, являющегося основой Демократической партии США. Его позиция в отношении традиционных ценностей (права секс-меньшинств, право женщин на аборт и другие вопросы, горячо волнующие американских избирателей) являет собой разительный контраст с позицией его предшественника, и в этом отношении она куда ближе к подчеркнуто светской политике Франции, чем, например, к проникнутой духом католицизма политике Польши.

«Новая» и «старая» Россия

Главное, что объединяет страны «новой» Европы, — их общее социалистическое прошлое и, соответственно, позиция по отношению к России как правопреемницы СССР. В 2005 году заместитель председателя комитета Европарламента по международным делам Тоомас Хендрик Ильвес (ныне президент Эстонии) писал, что причины различий между Востоком и Западом Европы «следует искать в своеобразии послевоенного устройства новых стран-членов, находившихся тогда под советским диктатом. Для стран Восточной Европы изгнание фашистов не стало освобождением — война продолжалась, и ее новые методы были не намного лучше

Перспектива наплыва «польских сантехников» очень пугала «старую» Европу, и Польша сделала все, чтобы исправить свой имидж (надпись на плакате по-французски: «Я остаюсь в Польше. Присоединяйтесь»).

прежних. В этом и коренятся истоки их проамериканских настроений».

Впрочем, за четыре с лишним года существования бывших стран социалистического лагеря в рамках Европейского союза каждая из них выстроила новые двусторонние связи как внутри ЕС, так и с Россией. И на первый план вышли практически вопросы политики и экономики сегодняшнего дня, во многом заслонившие собой историческую память о событиях далекого и недавнего прошлого.

Жесткая позиция Варшавы по отношению к Москве диктуется в первую очередь тем, что Польша чувствует себя обойденной в российско-германских планах строительства Североевропейского газопровода. Отсюда и резкое высказывание тогдашнего министра обороны (ныне главы МИДа) Радослава Сикорского о «новом пакте Молотова—Риббентропа», и противодействие началу переговоров по заключению нового соглашения Россия—ЕС, и ответное эмбарго на поставки поль-

ского мяса в Россию, действовавшее до конца прошлого года, и другие резкие телодвижения в двусторонних отношениях.

Аналогичным образом антироссийские настроения в странах Балтии подогреваются не только исторической памятью, но и тем фактом, что они теряют свои позиции как важных участников транзита товаров (прежде всего энергоносителей) между Россией и Европой.

С другой стороны, Венгрия, имеющая не меньше исторических претензий к России, чем Польша, вполне нашла возможность для плодотворного сотрудничества в энергетической сфере. Готовность Венгрии участвовать в спонсируемом Россией проекте «Южный поток», выраженная в ходе визита Дмитрия Медведева (тогда еще первого вице-премьера РФ) в Будапешт в феврале 2008 года, показывает, что **коренные национальные интересы Венгрии не позволяют ей связывать себя ролью, которую ей как стране «новой» Европы отводил Рамсфельд.**

Год назад эксперты Европей-

ского совета по международным отношениям Марк Леонард и Нику Попеску опубликовали доклад «Аудит власти в отношениях ЕС–Россия». Авторы доклада разделили 27 стран – членов Евросоюза на пять категорий в зависимости от их отношений к России. К категории «тройных коней», «постоянно защищающих интересы России в Евросоюзе и готовых наложить вето на согласованную позицию ЕС», они отнесли Кипр и Грецию. К «стратегическим партнерам», установившим «особые отношения с Россией, которые периодически подрывают общую политику ЕС», – Францию, Германию, Италию и Испанию. В разряд «дружеских прагматиков», «поддерживающих близкие отношения с Россией и ставящих свои деловые интересы выше политических целей», попа-

из числа стран, которым в 2003 году Рамсфельд послал позитивные сигналы, как минимум четыре – Болгария, Венгрия, Словакия и Словения – оказались в категории «дружественных» по отношению к России.

Новая и старая «новая» Европа

Особняком в этой компании стоит Польша и примыкающие к ней по многим позициям страны Балтии. Особая позиция Польши определяется и ее нынешним статусом, и сиюминутными соображениями, и исторической памятью.

На фоне относительно небольших стран (таких, как Чехия, Словакия, Венгрия) Польша выделяется не только размерами и потенциалом (сегодня это шестая

Во многом этим объясняется то, что Польша жестко отстаивала свое право на увеличенное представительство в руководящих органах Евросоюза по новой конституции (так и не принятой – и не в последнюю очередь из-за позиции Польши). Отсюда же проистекают и постоянные трения со «старыми» членами ЕС (прежде всего Францией) по вопросам дотаций для поддержки сельского хозяйства. Видимо, не случайно одним из общеевропейских «пугал» в преддверии расширения ЕС в 2004 году стал именно «польский сантехник», а не его коллега из какой-либо другой восточноевропейской страны. Все это явно свидетельствовало о том, что Польша однозначно претендует на роль «региональной сверхдержавы» и очевидного лидера «новой» Европы.

Однако другие **центральноевропейские страны**, в том числе ближайшие соседи Польши и ее «коллеги» по Вышеградской четверке (Чехия, Словаки, Венгрия), в силу разных причин **оказались не готовы безоговорочно признать лидерство Варшавы** и разными путями пошли на сближение как со «старой» Европой, так и с Россией. Означает ли это, что в новой ситуации Польше придется отказаться от претензий на лидерство среди неопитов Европы? Разумеется, нет. Однако одновременно теперь ей приходится искать новых союзников за пределами нынешних границ Евросоюза и НАТО.

И именно этим объясняется и активное вмешательство Польши во внутриукраинские дела, и постоянное давление на Белоруссию, чтобы в случае развития событий по сценарию «цветной революции» на правах ближайшего соседа «протянуть руку помощи».

Отсюда же и наиболее жесткая позиция по отношению к действиям России на Кавказе.

Цель очевидна – когда старые альянсы внутри «новой» Европы расплзаются по швам, пора задуматься о новых альянсах, но уже в рамках «сверхновой» Европы. ■

Практические вопросы политики и экономики сегодняшнего дня во многом заслонили историческую память о событиях далекого и недавнего прошлого

ли Австрия, Бельгия, Болгария, Финляндия, Венгрия, Люксембург, Мальта, Португалия, Словакия и Словения. «Холодные прагматики», «которые также фокусируют свое внимание на деловых интересах, но в меньшей степени, чем другие, боятся высказываться по поводу поведения России в сфере прав человека и других вопросах», – это Чехия, Дания, Эстония, Ирландия, Латвия, Нидерланды, Румыния, Швеция и Соединенное Королевство). И, наконец, лишь две страны – Польша и Литва – были записаны в разряд «новых бойцов холодной войны» за то, что «имеют открыто враждебные отношения с Москвой и намерены использовать право вето, чтобы заблокировать переговоры ЕС с Россией». Как показало время, этих двух «необойцов» оказалось недостаточно – на последнем саммите Россия–ЕС переговорам по заключению нового договора о партнерстве был дан зеленый свет.

Таким образом, мы видим, что

по объему ВВП экономика в Евросоюзе), но и тем, что это единственная страна, имевшая имперские амбиции, пусть и в течение небольшого по меркам истории срока, около двухсот лет в эпоху Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.).

Другая историческая особенность Польши состоит в том, что на протяжении почти всей своей истории она была яблоком раздора между другими державами (прежде всего Германией и Россией), постоянно угрожавшими ей с запада и с востока. И если южные соседи Польши, не имевшие имперских амбиций, позиционировали себя как органичная часть Европы, то для Польши вопрос об отстаивании собственной идентичности всегда был одним из самых болезненных. Чтобы отстоять свой статус, ей постоянно приходилось обращаться за помощью к странам, не являющимся ее непосредственными соседями, – Франции, Англии, а в последнее время США.